

2026
(№1)



ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

**СМОЛЕНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Сетевой электронный научный журнал
Издаётся с 2015 года

Сетевой научный электронный журнал
Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии:
№1 (30). – Смоленск, 2026. – 384 с.

Издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2782-2095 Online

Журнал индексируется в базе данных
«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал внесён с 19.12.2023 в актуальный
Перечень рецензируемых изданий (№2563)
Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

**Научные специальности и соответствующие им отрасли науки,
по которым публикуются статьи:**

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки),
- 5.11.1. Теоретическая теология (по исследовательскому направлению:
православие, ислам, иудаизм, протестантизм, буддизм) (теология),
- 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению:
православие, ислам, иудаизм, протестантизм, буддизм) (теология),
- 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению:
православие, ислам, иудаизм, протестантизм, буддизм) (теология)

Сайт журнала: theologyjournal.ru

УДК 2, 2-74, 262.1, 262.4, 271

Место духовенства и мирян в высшем церковном управлении по материалам предсоборной и соборной дискуссии в первой четверти XX столетия

Автор: Звонарёв Сергей Леонидович (протоиерей Сергей Звонарёв), кандидат богословия.
Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Аннотация. Данная статья посвящена анализу предсоборной и соборной дискуссии в первой четверти XX века применительно к вопросу места и роли представителей духовенства и верующего народа в центральной церковной администрации.

Принцип формирования Святейшего Правительствующего Синода из лиц, назначаемых императорской властью, засилье обер-прокурорского начала вызывали недовольство и среди иерархов, и в кругу активных церковных деятелей, и в широкой российской общественности. Стремление к переменам в высшем церковном управлении проявилось в деятельности предсоборных органов, призванных подготовить материалы для ожидаемого Собора. Частью экспертной работы стало осмысление значения духовенства и мирян в устроении общецерковных дел.

Автор статьи обращает внимание на то обстоятельство, что и в Предсоборном Совете, и на самом Соборе 1917-1918 годов проявили себя партии, сторонники которых исходили из прямо противоположных тезисов о том, кому должен отдаваться приоритет в высшем церковном управлении – епископам, или клирикам и мирянам. От победы той или иной партии зависела конфигурация и состав органов центральной церковной администрации. Исследователь приходит к выводу о том, что церковный законодатель сумел найти возможность разделить административные полномочия иерархов, с одной стороны, и представителей духовенства и верующего народа, с другой. В результате соборными было решено учредить Священный Синод, имевший исключительно иерархический состав, и Высший Церковный Совет, в который входили преимущественно клирики и миряне.

И Синод, и Совет под председательством Патриарха стали стержнем всей системы высшего церковного управления. Впервые в истории Русской Церкви миряне были включены в структуру и механизм принятия общецерковных решений.

К сожалению, антирелигиозная политика советского правительства и открытые гонения на Православную Церковь воспрепятствовали нормальному функционированию Высшего Церковного Совета, равно как и Священного Синода. Истечение трёхлетнего срока полномочий членов органов высшего церковного управления и невозможность проведения Поместного Собора вынуждали сосредоточить полномочия по ведению общецерковных дел в руках Патриарха, принявшего основной удар безбожной власти.

Ключевые слова: реформа церковной власти, высшее церковное управление, Особое Присутствие, Предсоборный Совет, Священный Собор Православной Российской Церкви, Высший Церковный Совет, Священный Синод, духовенство и миряне, церковные партии.

В церковной и общественной среде начала XX века дискуссионный характер приобрела тема участия духовенства и мирян в высшем церковном управлении. Эта дискуссия касалась как вовлеченности представителей

духовенства и верующего народа в решение вопросов обустройства церковной жизни на Священном Соборе Православной Российской Церкви, так и в дела высшего церковного управления, осуществляемого соответствующими коллегиальными органами. Взгляд на место и роль двух церковных сословий в соборной работе варьировался от совещательной функции до полноправного с епископами участия в принятии решений. Под воздействием общественно-политических преобразований в России после февральской революции 1917 года окончательно победила точка зрения, согласно которой клирики и миряне наряду с архиереями участвуют в голосовании по проектам соборных документов. Члены Всероссийского Церковного Собора 1917-1918 годов закрепили вовлеченность архипастырей, клириков и мирян в работу последующих Поместных Соборов Российской Церкви, но так и не смогли прийти к консенсусу по вопросу равноправного участия всех трёх церковных сословий в голосовании по проектам соборных документов.

Важной составляющей церковных преобразований стала реформа высшего церковного управления, а именно поиск возможных форм институционального вовлечения представителей духовенства и верующего народа в решение церковных дел на самом высоком уровне. Об этом и пойдёт речь ниже.

Опыт устройства высшего церковного управления в синодальный период

Практика формирования состава Святейшего Правительствующего Синода, особенно в годы преобразований в социальной и правовой сфере Российской империи начала XX века, вызывала нарекания в среде церковных и общественных деятелей, публицистов. Казалось, критиков мог бы удовлетворить факт вхождения в Синод не только архиереев, но и представителей духовенства. Так, с самого начала деятельности коллегиального органа в 1721 году он состоял преимущественно из лиц в пресвитерском сане из числа монашествующего и женатого духовенства: из 11 синодалов 4 архимандрита являлись советниками, 4 пресвитера – ассессорами. Архиереи занимали менее 1/4 части синодальных мест – должности президента и двух вице-президентов. Впоследствии состав Синода менялся как количественно, так и качественно, в том числе по соотношению между епископами и духовенством. Однако весь синодальный период носители пресвитерского сана не покидали мест за столом заседаний Синода.

В чём же крылась причина недовольства сторонников участия представителей различных церковных сословий в решении общецерковных дел? Представляется, что она была вызвана зависимостью Синода от государства. Дело в том, что ни один член Синода не избирался, а назначался волей императора, озвученной в соответствующем высочайшем указе. Церковь не имела никакого отношения к формированию синодального присутствия. Это обстоятельство препятствовало широкой церковной представительности, вызывало сомнения в том, что назначенцы могут выражать церковные интересы. Кроме того, Святейший Синод был лишён мирянского элемента, что вполне

оправдано историческим опытом Церкви, зато в нём был гипертрофирован мирской элемент в лице обер-прокурора. Его изначальная функция надзора за соответствием синодальных решений государственному законодательству и интересам власти, а также исполнением постановлений по духовному ведомству со временем трансформировалась в фактическое участие в решении церковных дел. Причём это участие было определяющим. Воля обер-прокурора по сути навязывалась первоприсутствующему и синодальным членам. Такой трансформации служили особые полномочия государственного чиновника, который выступал опосредованной инстанцией между Синодом и императором, сосредотачивавшим в своих руках реальную церковную власть. Такая данность по свидетельству епископа Псковского и Порховского Арсения (Стадницкого) чуть ли не обожествляла обер-прокурора¹. Об императорской власти в зале синодального присутствия напоминало императорское кресло, впрочем, всегда пустое. Синодалы виделись с императором и членами его семьи лишь по особым случаям, как правило высокотожественным событиям. Такой формат не позволял напрямую представлять императору дела по церковному управлению. Современники указывали на ненормальность подобных церковно-государственных отношений².

Сложившаяся в высшем церковном управлении ситуация рождала потребность изменить его логику, в том числе за счёт привлечения к решению общецерковных дел представителей духовенства и верующего народа.

Взгляд экспертов Особого Присутствия на принадлежность полномочий по высшему церковному управлению

Первая попытка изменений была связана с работой Особого Присутствия, учреждённого в январе 1906 года. Присутствие уделило внимание вопросам сочетания, с одной стороны, церковного избрания, а с другой, – утверждения конкретных кандидатур клириков и мирян епархиальным архиереем, а также их последующего участия в предстоящем Поместном Соборе. В этих целях предсоборный орган разработал и принял положения «О составе предстоящего чрезвычайного Собора Русской Церкви и порядке производства дел на оном», получившие высочайшее утверждение в апреле 1907 года.

Дальнейшая работа, производимая как в первом отделе, так и в общем собрании Присутствия, была посвящена реформированию Святейшего Синода, устранению недостатков в сферах высшего церковного управления и церковно-государственных отношений. Новая система центральной церковной администрации предполагала изменение конфигурации внутри Синода. В его состав должны были войти исключительно архиереи, а сам коллегиальный орган возглавляться Патриархом, институт которого предполагалось восстановить. Епископское наполнение Синода соответствовало историческому опыту

¹ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник: 1906. Т. 4. М., 2019. С. 35, 36.

² Например, профессор П. В. Верховский. См.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов: в 19 т. Т. 1. Кн. 1. М., 2012. С. 296.

зарождения и деятельности этого органа на Православном Востоке, а именно в Константинопольской Церкви. Такой орган получил название *σύνοδος ἐνδημοῦσα* и состоял из епископов, проживавших в Константинополе или временно находящихся в столичном городе по различным нуждам. Но главное изменение касалось создания условий для большей автономности Церкви от императорской государственной власти, а, следовательно, и от института обер-прокуратуры.

Эксперты Присутствия в июне 1906 года приняли положения «О составе постоянного Синода, первоиерархе Русской Церкви и его титуле». Документ определял Синод как постоянно действующий орган высшего церковного управления в составе 12 иерархов, из которых 4 являлись постоянными членами, а 8 должны были меняться на периодической основе. Необходимость иметь сменяемых синодалов признавалась в докладе Святейшего Синода «О преобразовании церковного управления в России на соборном начале» 1905 года³.

В ходе дискуссии в первом отделе и общем собрании Присутствия звучали предложения не лишать клириков и мирян возможности участия в делах высшего церковного управления. Так, по мысли Н. Д. Кузнецова, повременные Соборы могли бы избирать на пять лет в состав Синода представителей духовенства и верующего народа⁴. С этим мнением солидаризировались экстраординарный профессор А. И. Бриллиантов, Н. П. Аксаков и протоиерей Ф. И. Титов. Последний подчёркивал соответствие в таком случае Собора и Синода, поскольку и Собор состоит из епископов, клириков и мирян⁵. Заметим при этом, что участие духовенства и лиц, не имеющих священного сана, на Соборе предполагалось только на экспертном уровне для обсуждения проектов соборных решений, но не для их принятия, что составляло прерогативу иерархов. Члены Присутствия исходили из того убеждения, что клирики и миряне не могли быть уравнены в полномочиях синодальным епископам. Их уделом являлась лишь совещательная функция в Синоде. Профессор А. И. Алмазов считал, что в таком случае духовенство и миряне должны войти в состав синодальных учреждений. Однако такое предложение не содержало в себе ничего нового. И в существовавшем в то время Синоде его учреждения, такие как Училищный Совет, Учебный Комитет и Хозяйственное Управление были наполнены преимущественно светскими лицами, а также священнослужителями. Уравнять клириков и мирян в Синоде иерархам предлагалось в отзывах Олонецкой духовной консистории по вопросу о церковной реформе. Согласно документу, весь состав Синода формируется Поместным Собором⁶.

В Присутствии была сильна группа экспертов, возражавших против всякого участия духовенства и лиц, не имеющих священного сана, в решении

³ Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 45. С. 1899.

⁴ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного Присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 2. С. 704.

⁵ Там же. Т. 1. С. 201.

⁶ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 2. С. 352.

синодальных дел. В их числе архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий), профессор И. И. Соколов и другие.

При голосовании в первом отделе и в общем собрании Присутствия сторонники участия клириков и мирян в решении синодальных дел оказались в меньшинстве. Однако такой исход не удовлетворял сформировавшегося к 1906 году в церковно-общественной среде запроса на вовлечение всех церковных сословий в высшее церковное управление. И если эксперты Особого Присутствия решили составить Синод из одних иерархов, значит нужно было найти способ иным путём удовлетворить вышеупомянутый запрос. Решением вопроса участия духовенства и мирян в работе центральной церковной администрации могло бы стать создание наряду с Синодом отдельного органа, состоящего из представителей всех церковных сословий. Тем более, что у такого органа имелся аналог – Постоянный народный смешанный совет, существовавший в Константинопольской Церкви.

В первом отделе Присутствия звучали предложения учредить такой орган при Синоде в качестве особого Присутствия или церковного Совета. Данную инициативу озвучил протоиерей Ф. И. Титов. Совет, как и Синод, должен был состоять из 12 членов, из которых одна треть – постоянные, а две трети – периодически сменяемые. Совет формируется Поместным Собором и возглавляется Патриархом. Дабы разграничить компетенцию Синода и Совета, предлагалось к полномочиям последнего отнести церковно-общественные и хозяйственные дела, а также вопросы, связанные с церковным разводом и деятельностью духовных учебных заведений. Будучи зависимым от Синода, Совет не мог самостоятельно, отдельно от Синода решать вопросы церковного управления.

Предложение отца Фёдора, с одной стороны, было отражением упомянутого выше запроса на участие клириков и мирян в делах церковного управления, а, с другой стороны, не могло его удовлетворить, поскольку приспособлялось к конструкции, в которой полномочия по высшему церковному управлению сосредотачивались в руках иерархии. Смешанный коллегиальный орган претендовал на соответствие Синоду по количественному составу, принципам сочетания постоянного и ротируемого членства, но, при этом, зависел от последнего. Предложение не учитывало главного ожидания: возможности представителям духовенства и верующего народа участвовать в делах церковного управления с точки зрения принятия решений. В 1906 году эксперты не были готовы отвести такую роль двум церковным сословиям, а потому инициатива создания смешанного органа не была поддержана в Особом Присутствии. Характер социально-политических изменений в России того времени ещё не позволял перевести в практическую плоскость вопрос кардинального изменения места и роли клириков и мирян в центральной церковной администрации.

Предсоборная и соборная работа по вовлечению духовенства и представителей верующего народа в решение общецерковных дел

Труды Предсоборного Совещания, заседавшего с перерывами с 1912 по 1916 годы, не выявили готовности синодальных деятелей предоставить представителям в священном сане и лицам без него возможность участвовать в управлении делами Российской Церкви. В частности, разработанный Совещанием под руководством архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского) в 1912-1913 годах проект «О высшем церковном управлении» предполагал исключительно иерархический состав Синода⁷.

Шло время, менялись общественные настроения, назревала революционная ситуация, разразившаяся событиями февраля 1917 года. Провозглашение демократических преобразований, гражданских и политических прав и свобод, торжество представительского начала не могли оставить в стороне церковное общество. Весной и летом 1917 года на епархиальном уровне происходила «церковная революция». Духовенство и миряне собирались на съезды, подвергали критике административный порядок назначения правящих архиереев и проводили выборы кандидатов на епископские кафедры с последующим представлением на утверждение Святейшего Синода. Как и всякая революция, в церковной среде она пошла вглубь с епархиального на приходской уровень, затронула духовенство, которому прихожане в ряде случаев отказывали в доверии и поддержке, изгоняли из храмов. В церковной среде с высшего до низшего уровня росло напряжение⁸.

Спаду такого напряжения способствовала подготовка Священного Собора Православной Российской Церкви летом 1917 года, его открытие в августе 1917 года. Собор состоял из епископов, клириков и мирян, на равноправной основе участвующих в разработке и принятии соборных решений. Соборяне из числа духовенства и верующего народа избирались в епархиях. Правящие архиереи не вмешивались в выборный процесс, не влияли на итоги голосования и не утверждали избранных кандидатов.

На Соборе одним из принципиальных вопросов стал поиск места клириков и мирян в высшем церковном управлении. Разработкой этого вопроса занимался отдел о Высшем церковном управлении под руководством будущего священномученика архиепископа Астраханского и Царёвского Митрофана (Краснопольского). Осенью 1917 года в недрах отдела был разработан проект положения «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», одобренный на пленарном заседании Собора 7 декабря 1917 года и ставший соборным определением. Документ предусматривал создание наряду с иерархическим Синодом равноправного ему смешанного, а именно состоящего из епископов, представителей духовенства и верующего народа Высшего Церковного Совета,

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 194. Д. 1160. Л. 1–17, 20–32 об.; Оп. 445. Д. 212. Л. 9–10.

⁸ О «церковной революции» см. подробнее *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008; *Фруменкова Т. Г.* Высшее православное духовенство России в 1917 году // Из глубины времён. 1995. № 5; *Савва (Тутунов), игум.* Епархиальные реформы. [М.:] Культурный центр «Духовная библиотека», 2011; *Беглов А. Л.* Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М.: Индрик, 2021.

наделённого собственной компетенцией и имеющего отдельный аппарат. Оба органа центральной церковной администрации должны были возглавляться Патриархом. То, на что не решились эксперты Особого Присутствия, одиннадцать лет спустя осуществили члены Собора.

И Синод, и Совет под председательством Патриарха составляли структуру высшего управления Российской Церкви, основы которой были заложены соборным определением «Об общих положениях о высшем управлении Православной Российской Церкви» от 4 ноября 1917 года и развиты в определениях «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете» от 7 декабря 1917 года и «О круге дел подлежащих ведению органов высшего церковного управления» от 8 декабря 1917 года. Профессор И. И. Соколов отмечал, что такое устройство высшего церковного управления позволяет утвердить принципы соборности и единомыслия в центральной церковной администрации⁹. С утверждением Ивана Ивановича о единомыслии в деятельности Синода и Совета можно поспорить. Такого единомыслия не могло быть по самой природе коллегиальных органов, как внутри них самих, так и между ними. Только личность Патриарха, который председательствовал в том и другом органе, и участие нескольких синодальных членов в работе Совета могли содействовать слаженности их работы.

Идея создания наряду с Синодом органа, который бы служил площадкой для обсуждения и решения дел высшего церковного управления с участием духовенства и мирян, принадлежала членам Предсоборного Совета, работа которого велась в летние месяцы 1917 года. Популярность в российском политическом и религиозном дискурсе темы народного представительства повлияла и на именование смешанного органа центральной церковной администрации в документах второго отдела Предсоборного Совета как церковно-народного. В предсоборном органе признавалось, что представители духовенства и верующего народа должны участвовать в делах высшего церковного управления. Вопрос состоял лишь в том, создать однопалатное учреждение в виде Синода, включив в него в равных соотношениях епископов, клириков и мирян с правом решающего голоса, или двухпалатное, в одной палате которого собрать иерархов, а во второй – священнослужителей и мирян, либо два отдельных органа – один иерархический, а второй с преимущественным участием духовенства и верующего народа.

С предложением учредить однопалатный орган высшего церковного управления – Российский Церковный Совет – выступил Всероссийский съезд православного духовенства и мирян, состоявшийся в Москве, в июне 1917 года. Согласно проекту о реформе церковного управления, в состав Совета должны были входить 4 епископа, 4 клирика (2 пресвитера, 1 диакон и 1 псаломщик), 1 инок и 5 мирян. Члены Совета избираются Поместным Собором на шестилетний период и через каждые 3 года подвергаются ротации в половине своего состава¹⁰.

⁹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2016. Т. 6. С. 277.

¹⁰ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 68. 14 июля. С. 1.

Недостатком однопалатного органа было уравнивание всех церковных сословий в решении вопросов высшего управления Российской Церковью, в то время как согласно каноническому праву существовала такая категория дел, которые могли обсуждать и выносить по ним вердикты только епископы (избрание епископов и замещение вакантных архиерейских кафедр, рассмотрение судебных производств в отношении иерархов). Кроме того, иерархи в таком коллегиальном органе находились в меньшинстве. На это обстоятельство в Предсоборном Совете обращал внимание архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей¹¹. Чтобы исправить данный недостаток, предлагалось в случае возникновения дел по компетенции исключительно епископов выделять из состава Синода архиерейское совещание. Преимущество однопалатного органа заключалось в относительной простоте организации его работы и невысокой затратности. На это указывали члены второго отдела Предсоборного Совета профессора В. З. Завитневич и Ф. И. Мищенко¹². Профессор А. И. Покровский в русле отстаиваемой им церковно-либеральной позиции полагал, что отделение епископов от клира и мирян в решении церковных дел может привести к папству¹³.

Однако более приемлемым для экспертов стало учреждение двух самостоятельных органов – Синода и Совета, тем более что этому варианту была близка идея создания двухпалатного органа. Таким образом подчёркивалось равноправие епископов, с одной стороны, и духовенства и мирян, с другой стороны, в решении церковных дел. При этом принцип равноправия уравнивался принципом разделения компетенции, что позволяло соблюдать канонические нормы в вопросах высшего церковного управления, усваивающие епископату особые полномочия и ответственность в решении церковных дел. Кроме того, учреждение двух самостоятельных и равноправных органов центральной церковной администрации стало попыткой развести две противоборствующие партии в Предсоборном Совете – сторонников преимущественного участия клира и мирян в устройении общецерковных дел и сторонников епископского управления. К первой партии, которую можно назвать «профессорская» или либеральная, левая, принадлежали профессора А. И. Покровский, Б. В. Титлинов, Ф. И. Мищенко и другие. Ко второй партии, «традиционалистской», правой, относились архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей, архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий), будущий священномученик епископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский), протоиерей С. И. Шлеев, П. Б. Мансуров и другие.

Дискуссия в отделе о Высшем церковном управлении и на пленарных заседаниях Всероссийского Церковного Собора развивалась в русле противостояния партий в Предсоборном Совете и с тем же самым результатом, а именно победой решения о создании двух органов высшего церковного управления – Синода и Совета с отдельной компетенцией. Однако соборяне

¹¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. М., 2012. Т. 1. Кн. 1. С. 313-314.

¹² Там же. С. 314.

¹³ Там же. Кн. 2. С. 996.

пошли дальше экспертов предсоборного учреждения и разработали механизм сопряжения Синода и Совета в устроении общецерковных дел. Во-первых, было установлено, что и тот, и другой орган возглавит Патриарх. Во-вторых, часть синодальных членов должна будет войти в состав Совета. В-третьих, для решения общих дел и наиболее важных вопросов церковной жизни проводятся совместные заседания Синода и Совета, возглавляемые тем же Патриархом.

Смешанный Высший Церковный Совет

В Высшем Церковном Совете 12 мест принадлежало духовенству и представителям верующего народа (1 монастырский монах, 5 клириков (пресвитеров, диаконов и псаломщиков) и 6 мирян), и только 3 места – членам Синода по его избранию. Таким образом, иерархи (не считая председателя Патриарха) в Совете составляли 1/5 часть от его общего состава. И клирики, и миряне избирались в состав Совета Поместным Собором на три года. В декабре 1917 года в Совет были избраны протопресвитеры Г. И. Шавельский и Н. А. Любимов, архимандрит Виссарион (Ильинский), протоиереи А. В. Санковский и А. М. Станиславский, псаломщик А. Г. Куляшев, профессора С. Н. Булгаков, И. М. Громогласов и П. Д. Лапин, а также А. В. Карташёв, С. М. Раевский и князь Е. М. Трубецкой. В марте 1918 года Синодом в Совет избраны митрополит Новгородский и Старорусский Арсений, будущий священноисповедник митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский) и архиепископ Кишинёвский и Хотинский Анастасий (Грибановский). Также были избраны 12 заместителей членов Совета (без учёта трёх синодальных иерархов, получивших заместителей в своё время). Ими стали лица, набравшие наибольшее число голосов при закрытии списка советников, занявших места в смешанном органе высшего церковного управления: от монашествующих – архимандрит Алексей (Житецкий), от клириков – протоиереи П. А. Миртов, П. Н. Лахостский, П. И. Соколов и К. М. Аггеев, священник С. К. Верховский, от мирян – профессора П. П. Кудрявцев, И. И. Соколов и Л. И. Писарев, а также П. И. Астров, князь Г. Н. Трубецкой и М. И. Арефьев. Таким образом, к марту 1918 года Высший Церковный Совет был полностью сформирован.

В целях организации рабочего процесса в апреле 1918 года был сформирован аппарат Совета, состоящий из канцелярии, архива и юрисконсультской части. Аппарат начал функционировать со следующего месяца, опираясь на нормы положения «О канцеляриях Священного Синода и Высшего Церковного Совета», а также «Положение и штаты Канцелярии Священного Синода, Канцелярии Высшего Церковного Совета и Патриаршего Управления».

Церковный законодатель сформулировал компетенцию Совета, отличную от компетенции Синода. Согласно определению «О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления» от 8 декабря 1917 года, полномочия смешанного органа центральной церковной администрации простирались на круг вопросов в общественно-церковной, образовательной,

экономической и кадровой сферах, а также предполагали осуществление ревизии и контроля, курирование юридической службы. Все дела, подведомственные Совету, были распределены на совместном заседании Синода и Совета в июне 1918 года на три группы: административные, школьно-просветительские и финансово-хозяйственные. Примечательно, что три синодальных члена Совета заняли председательские места в группах. Это означало контроль над осуществляемой в группах работой со стороны иерархии, представители которой были в меньшинстве в смешанном органе высшего церковного управления.

Особо важные дела или смешанного характера должны были обсуждаться в соединённом присутствии Синода и Совета.

Высшее церковное управление под ударом атеистической власти

Высший Церковный Совет дал возможность духовенству и мирянам участвовать в управлении церковными делами. Однако история не предоставила шанса полноценно опробовать эту возможность. Уже первые шаги молодой советской власти свидетельствовали о том, что она агрессивно настроена против Церкви.

Государственное финансирование Церкви прекратилось. Власть изымала церковное имущество, что поставило церковную организацию перед необходимостью кардинально сократить финансирование, в том числе центральных церковных учреждений. Оскудевал штат канцелярии Совета, сокращалось число его членов. Это происходило по причине невозможности прибыть в Москву в условиях затруднительности и небезопасности перемещений через территории, охваченные Гражданской войной, а также угрозы потерять личную свободу в ходе начинавшихся классовых чисток. «Кто в бегстве, кто умер (кн. Трубецкой), кто в узах» - в таких словах Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон в своём письме архиепископу Финляндскому и Выборгскому Серафиму (Лукиянову) рассказывал о причинах отсутствия большей части членов Совета¹⁴.

Заседания органов высшего церковного управления потеряли периодичность, как правило были совмещёнными для Синода и Совета. Последний не имел возможности самостоятельно осуществлять свою компетенцию, поскольку она была практически парализована действиями властей.

В 1921 году истекли полномочия членов Высшего Церковного Совета и их заместителей. Пополнить состав органа центральной церковной администрации новыми членами мог только Поместный Собор, а его созыв в условиях разворачивающихся гонений на Русскую Церковь был невозможен.

Святейший Патриарх Тихон в целях сохранения высшего церковного управления и преодоления обновленческого раскола был вынужден предпринять

¹⁴ Русская Православная Церковь и советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М.: Прописи, 1995. Кн. 1. С. 141.

попытку в обход соборных определений в 1924 году учредить Временный Патриарший Священный Синод и Временный Высший Церковный Совет и назначить их членов. Однако этот проект так и не был реализован при жизни Первосвященителя.

В заключение необходимо отметить, что поиск места для клириков и мирян в высшем церковном управлении был одним из принципиальных вопросов, обсуждавшихся в ходе предсоборной и соборной дискуссии. Этот вопрос был напрямую связан с демократическими преобразованиями российского общества, укреплением гражданских прав и свобод, идей народного представительства¹⁵.

Революционные изменения февраля 1917 года открыли возможность провести Всероссийский Церковный Собор, в котором на равноправной основе приняли участие иерархи, представители духовенства и верующего народа. Соборные обсуждения, а до них прения членов Предсоборного Совета обнаружили разные подходы к вопросу границ вовлечения клириков и мирян в общецерковные дела. Представители «профессорской», левой партии отстаивали важную роль духовенства и верующего народа в высшем церковном управлении, а традиционалисты, правые, защищали принцип доминирования епископата в центральной церковной администрации. Несмотря на противоречия между двумя партиями принципиального характера, соборяне сумели достичь баланс интересов и разработать механизм вовлечения всех церковных сословий в высшее церковное управление. Наряду с иерархическим по составу Священным Синодом был создан Высший Церковный Совет с преимущественным участием клириков и мирян. Повременные Поместные Соборы, проводимые на периодической основе и включавшие представителей духовенства и верующего народа, смешанный по своему составу Высший Церковный Совет, разработанная членами Собора 1917-1918 годов нормативная база служили институциональной основой вовлечения носителей священного сана и лиц, его не имеющих, в решение церковных дел на высшем уровне.

К сожалению, антирелигиозная политика советской власти не позволила закрепить этот механизм в Русской Церкви, обесценила плоды многих трудов церковного законодателя. На долгое последующее время клирики и миряне утратили возможность быть сопричастными устройению общецерковных дел.

Литература и источники

Источники

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 194. Д. 1160; Оп. 445. Д. 212.
2. Арсений (Стадницкий), митр. Дневник: 1906. Т. 4. М., 2019.
3. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 68. 14 июля.

¹⁵ Звонарёв С., прот. Высшая власть и управление в Русской Православной Церкви в XX – начале XXI века / науч. ред. прот. Н. Балашов. Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 2023. С. 96, 392.

4. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов: в 19 т. Т. 1. Кн. 1, 2. М., 2012; Т. 6. М., 2016.
5. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 1, 2. М., 2014.
6. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 2.
7. Прибавления к Церковным ведомостям. 1905. № 45.
8. Русская Православная Церковь и советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М.: ПроPILEи, 1995. Кн. 1.

Литература

1. Беглов А. Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М.: Индрик, 2021.
2. Звонарёв С., прот. Высшая власть и управление в Русской Православной Церкви в XX – начале XXI века / науч. ред. прот. Н. Балашов. Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 2023. – 636 с.
3. Rogoznyy P. G. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.
4. Савва (Тутунов), игум. Епархиальные реформы. [М.:] Культурный центр «Духовная библиотека», 2011.
5. Фруменкова Т. Г. Высшее православное духовенство России в 1917 году // Из глубины времён. 1995. № 5.

The Place of the Clergy and the Laity in Supreme Church Governance Based on the Pre-Council and Council Debates in the First Quarter of the Twentieth Century

Author: Zvonarev S. L. (Archpriest Sergiy), Candidate of Theology

Abstract. This article is devoted to an analysis of the pre-council and council debates of the first quarter of the twentieth century with regard to the question of the place and role of representatives of the clergy and the faithful people in the central church administration.

The principle by which the Holy Governing Synod was formed from persons appointed by the imperial authority, as well as the dominance of the office of the Ober-Procurator, caused dissatisfaction both among the hierarchs, within the circle of active church figures, and in the broader Russian public. The aspiration for change in supreme church governance manifested itself in the activities of the pre-conciliar bodies tasked with preparing materials for the anticipated Council. An important part of this expert work was reflection on the significance of the clergy and the laity in the organization of pan-church affairs.

The author draws attention to the fact that both in the Pre-Council discussions and at the Council of 1917–1918 there emerged parties whose supporters proceeded from directly opposing theses concerning who should be given priority in supreme church governance—bishops, or clergy and laity. The configuration and composition of the bodies of central church administration depended on the victory of one party or the other. The researcher concludes that the church legislator succeeded in finding a way to divide administrative powers between the hierarchs, on the one hand, and representatives of the clergy and the faithful people, on the other. As a result, the Council resolved to

establish a Holy Synod with an exclusively hierarchical composition and a Supreme Church Council composed predominantly of clergy and laity.

Both the Synod and the Council, under the chairmanship of the Patriarch, became the core of the entire system of supreme church governance. For the first time in the history of the Russian Church, lay people were included in the structure and mechanisms of decision-making in pan-church affairs.

Unfortunately, the anti-religious policy of the Soviet government and the open persecution of the Orthodox Church prevented the normal functioning of the Supreme Church Council, as well as of the Holy Synod. The expiration of the three-year term of office of the members of the bodies of supreme church governance and the impossibility of convening a Local Council made it necessary to concentrate authority over pan-church affairs in the hands of the Patriarch, who bore the main blow of the godless regime.

Keywords: reform of church authority; supreme church governance; Special Presence; Pre-Council Council; Holy Council of the Orthodox Russian Church; Supreme Church Council; Holy Synod; clergy and laity; church parties.

References

- Beglov, A. L. The Orthodox Parish at the Sunset of the Russian Empire: State, Debates, Reforms. Moscow: Indrik, 2021.
- Frumenkova, T. G. The Higher Orthodox Clergy of Russia in 1917 / From the Depths of Time, 1995, no. 5.
- Rogoznyi, P. G. The Church Revolution of 1917 (The Higher Clergy of the Russian Church in the Struggle for Power in the Dioceses after the February Revolution). St Petersburg, 2008.
- Savva (Tutunov), Hegumen. Diocesan Reforms. Cultural Center "Spiritual Library," [Moscow], 2011.
- Zvonarev, S., Archpr. Supreme Authority and Administration in the Russian Orthodox Church in the 20th–Early 21st Century. Ed. by Archpriest N. Balashov. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy Press, 2023.